

Воспоминания

УДК 929

DOI: 10.28995/2658-4158-2023-2-15-20

НВ: о тбилисском мальчике,
университетской культуре и о Дао,
которое не выразишь словами

Александр С. Агаджанян

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, grandrecit@gmail.com*

Для цитирования: Агаджанян А.С. НВ: о тбилисском мальчике, университетской культуре и о Дао, которое не выразишь словами // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. 2023. № 2. С. 15–20. DOI: 10.28995/2658-4158-2023-2-15-20

A Tbilisi boy, the academic culture,
and the Tao that cannot be spoken

Alexander S. Agadjanian

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
grandrecit@gmail.com*

For citation: Agadjanian, A.S. (2023), “A Tbilisi boy, the academic culture, and the Tao that cannot be spoken”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, pp. 15–20, DOI: 10.28995/2658-4158-2023-2-15-20

НВ относится к довольно редкой категории людей, этаких виртуозов памяти. С фотографической точностью он умеет сохранить и воспроизвести давние, далеко в прошлом застывшие повседневные картинки, истории и диалоги. Главным полем этой виртуозной памяти было, по-видимому, тбилисское детство – многоцветное, сочное, пронизанное солнечным светом. Мне кажется, что для НВ это в полном смысле особая страна. Страничка НВ изначально

© Агаджанян А.С., 2023

в Живом Журнале, а потом в социальных сетях – это такой параджановский коллаж колоритных тбилисских узоров. Стиль этих оттисков, эстампов памяти, которые то ли читаешь, то ли рассматриваешь, – внешне вроде бы сухой и рациональный, без сложных, многозначных эпитетов и метафор (узнаваемый стиль НВ), но полученная картинка с расставленными эмоциональными акцентами делает их очень объективно-зримыми и очень субъективно-подлинными. И Тбилиси его детства предстает во всей красе – гуляя по городу несколько лет назад, я специально завернул по адресу и видел все своими глазами: старый, ветхий Сололаки; большой дом с темными подъездными лестницами, на перекрестке кривоватых улиц со старыми платанами; и, наконец, главное: внутренний двор, на который выходят окна и увитые виноградом балконы. Двор, в котором происходит бесконечное общение языков и народов – как на башне Вавилонской, но без Вавилонского беспамятства, а скорее наоборот – с полным осознанием несмешиваемого разнообразия. Этакая изначальная многонациональная локальная демократия. В старом Тбилиси (теперь уже, наверное, перемещающемся окончательно в область памяти) это был такой аутентичный, повседневный мультикультурализм – грузинско-армянско-русско-еврейско-азербайджанско-греческо-курдский и так далее. И я уверен, что этот узор, отпечатанный в детской памяти, сильнейшим образом повлиял на то, как НВ вообще воспринимал окружающий мир и в дальнейшей своей жизни.

Например, подумайте о том, каким образом – уже в более поздние годы, когда мы были знакомы и общались – у НВ устроено восприятие действительности, в том числе и его научное мышление. Для него сравнительно небольшие, конкретные детали часто более важны, чем обобщающие абстракции. Поначалу его вопросы или уточнения, обращенные к деталям, – скажем, касающихся того или иного исторического события или особенностей той или иной этнической или религиозной группы, – казались мне хотя и правильными, но как бы малосущественными – ибо у меня, наоборот, есть такая слабость – повсюду выстраивать иерархии обобщений. Но со временем я понял, что те подробности, которые НВ вспоминает, тем-то и хороши, что вполне аутентичны, безусловны, ощутимы – гораздо более ощутимы, чем любые обобщающие конструкции. Эти самые мелочи – пусть даже и совсем отдельные, неполные, но зато безусловные, истинные, – как раз и придают уверенности в понимании любого предмета как в жизни, так и в наших гуманитарных науках. Истинная награда историка, говорил Марк Блок, это «удовольствие от подлинности». И мне кажется, что виртуозная память ярких деталей, оставшаяся от тбилисского детства, как-то рифмуется с той традицией

исторической науки, которой НВ следовал и следует и в лекциях, и в ученых разговорах.

Формирование НВ как историка и преподавателя пришлось на годы постепенного распада, а потом и ускоренного развала старой советской системы, глубоко лживой и довольно бездарной, внутри которой, однако, на уровне интеллигентского андеграунда закипали новые силы, стремящиеся к той самой «подлинности», полные романтической жажды знания. К ним и принадлежал НВ в бытность сначала студентом МГУ, потом молодым ученым. Это – второй мощный пласт памяти, которым НВ делился в своих устных и письменных воспоминаниях. Затем, в 1990-е гг., он оказался в центре формирования новой университетской культуры и фактически «с нуля» создавал новую дисциплину – изучение религии в нейтральных академических рамках, вне умирающей марксистско-атеистической догматики и вне праведно-неофитского «религиозного ренессанса». Формирование именно такого направления в Москве, в России в целом, на протяжении трех десятков лет – во многом именно его заслуга, и он сам неоднократно формулировал и отстаивал основы именно этого направления. Сотни студентов за это время прослушали его лекции, посвященные истории или современности, лекции всегда логически стройные и ясные, всегда оживляемые теми самими яркими, подлинными примерами-детальями, которые так важны для восприятия и усвоения любого предмета.

Лекции НВ – отдельная тема, и я сужу по отзывам студентов, которые говорили, что это единственные лекции, которые можно конспектировать почти дословно. Но студенты сами рассказали бы об этом лучше. А из того что я сам видел (и многие подтверждают) – вот одна забавная особенность: в ходе ли семинаров, на совещаниях или на прочих посиделках – помню эти знаменитые временные выпадения НВ в некое полусонное состояние. Кое-кто называл это то ли медитативным погружением, то ли временным погружением в дзен-нирвану, то ли коротким выходом в состояние мистического транса (впрочем, очевидно, что это не было похоже на суфийский зикр или шаманское камлание). Поразительное свойство – через считанные минуты НВ выходит из этого микротранса и возвращается в разговор в обычной четкой и ясной манере.

Главным в процессе создания новой университетской культуры, к которой НВ напрямую причастен, было формирование особой человеческой и рабочей среды, некоей ауры отношений внутри возникшего факультета, затем учебно-научного центра. Эта среда включала всегда и студентов, и выпускников, и профессоров – всех в равной степени, и жила эта среда, как можно

догадаться, на усвоенном в тбилисском детстве принципе естественного многообразия. Преподаватели подбирались разные, культурно и профессионально «разноязыкие», а уж о студентах и говорить излишне. И что же из этого следовало? Жесткая, четкая дисциплина, единообразие и единовластие? Ничего более далекого от «руководящего стиля» НВ и представить себе невозможно. В основе этого стиля – осторожное вчувствование в любую ситуацию, в ткань отношений, скорее примиряющие паузы, чем рубящие «сплеча» начальственные наскоки. На этом фоне, однако, бывают и эмоциональные всплески: все помнят картинку, когда НВ вдруг повышает голос, начинает говорить громко и напористо, обозначая твердость и недовольство. Но, во-первых, такие случаи весьма редки и, во-вторых, они быстро растворяются в воздухе, и цель их – расставить акценты на каких-то принципиальных вещах, после чего все возвращается в ту самую уютную ауру, которой неизменно славился созданный им Центр – тонкое кружево постоянного, дружественного межличностного общения.

Человек, вышедший из тбилисского дворового детства и позже сложившийся в московской «неформальной», внеоценкатурной среде, не может не быть скептически прохладным ко всяким проявлениям бюрократической и протокольной культуры, производимой на свет Левиафаном. Было видно, что подобные вещи всегда давались ему непросто, и он лишь ради сохранения Центра ввязывался, вопреки всему, в эти рутинные и нерадостные правила игры. В созданной им среде все держалось и держится на совсем других основаниях.

Эти основания – все та же принципиальная неформальность. Апофеозом ее были, наверное, вечерние празднования, собиравшие студентов и преподавателей: новогодние вечера, дни рождения НВ, почти совпадавшие со «старым Новым годом», а потом и более частые встречи по кем-то придуманному поводу – в дни, когда тринадцатое число любого месяца приходилось на пятницу (это самое сочетание – пятница, тринадцатое – было, конечно, ироничной изнанкой той якобы особой праведности, которое ожидалось от серьезного религиоведения). Праздники эти, как и было завещано старым добрым Дюркгеймом, были моментом истины, формирующим чувство общинной солидарности; а старые добрые напитки, как и положено, постепенно усиливали это чувство. Без сакрального тотема, впрочем, удавалось обходиться (вопреки Дюркгейму), но зато НВ в виде доброго гуру-тамады был, разумеется, в центре событий (за исключением все тех же минутных выпадений в нирвану) и, как всегда, улаждал слух присутствующих своими бесконечными забавными рассказами и жизненными

анекдотами. Помнится, несколько раз, уже на достаточно высоком уровне чувства общинного единения, НВ вдруг обращался ко мне так: «Александр, у меня к вам сколь парадоксальное, столь и неожиданное предложение – давайте с вами выпьем на брудершафт!» Сказано – сделано. Впрочем, всякий раз на следующий день мы снова говорили друг к другу «вы», восстанавливая царящее в Центре старомодно-уважительное *comme il faut*.

Истории, которые НВ рассказывал в праздники и будни и по разным поводам и которые потом попадали в социальные сети в виде заметок и дневников, касались не только тбилисского детства, но и преподавательских впечатлений. Помню, он говорил о том, что как-то во время лекции то ли по рассеянности, то ли в состоянии того самого фирменного временного транса, начал жевать мел, приняв его за пастилу. И еще о том, как какой-то немного странный восхищенный студент, искренне желая отблагодарить НВ за прекрасные лекции, предложил ему от чистого сердца и за неимением ничего другого пару подержанных штанов; и еще много всего такого. Все эти рассказы – часть той самой ауры, которой созданный им Центр был и остается славен – атмосферы, сотканной из двух главных ингредиентов – теплоты и иронии. Но и самоиронии, разумеется.

Мягкость – да, медлительность как стиль – да, разрешение проблем на пути естественного самодвижения в духе Великого Дао – конечно. Но при этом – не то чтобы постоянная рассеянность, а напротив, часто собранность и систематичность. Последнее проявляется в строгой точности и детальной подробности, с которой НВ время от времени записывает и публикует два сухих статистических списка. Первый – как и положено бывшему тбилисскому уроженцу и московскому студенту «застройных» советских времен – это список выпитых или собранных алкогольных напитков, с кратким, но подробным перечислением их свойств. Второй список – как неизбежное следствие унаследованной, генетической интеллигентности – это список прочитанных книг. Оба списка поражают воображение. И важно сочетание того и другого. Но все же про книги надо сказать отдельно. Бесконечная вселенная книг, этакая Борхесова библиотека, сад расходящихся тропок – расходящихся в разные жанры, исторические периоды и стили, и, как следствие, на редкость впечатляющая эрудиция – все это остается еще одной средой, без которой его трудно представить.

Вот теперь и попытайтесь собрать все эти осколки моих зарисовок в одну картинку, в один образ. Вроде бы что-то получается, но далеко не все, и даже, может быть, не главное. Тбилисский мальчик, увлеченный студент, создатель факультета, виртуоз памяти, мастер историй и анекдотов, знаменитый книгочел, причастный

невыразимому дао... Две его прекрасные дочери и близкие друзья добавили бы много деталей. Но вот еще одна важная вещь в завершение: человек, умевший сохранить Центр, созданный им, как островок – и здесь уместны высокие слова без пафоса – как островок свободы, чести, порядочности и достоинства, вопреки холодным ветрам последнего времени, вопреки нарастающему мраку.

Спасибо!

Информация об авторе

Александр С. Агаджанян, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; grandrecit@gmail.com

Information about the author

Alexander S. Agadjanian, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., 125047, Moscow, Russia; grandrecit@gmail.com